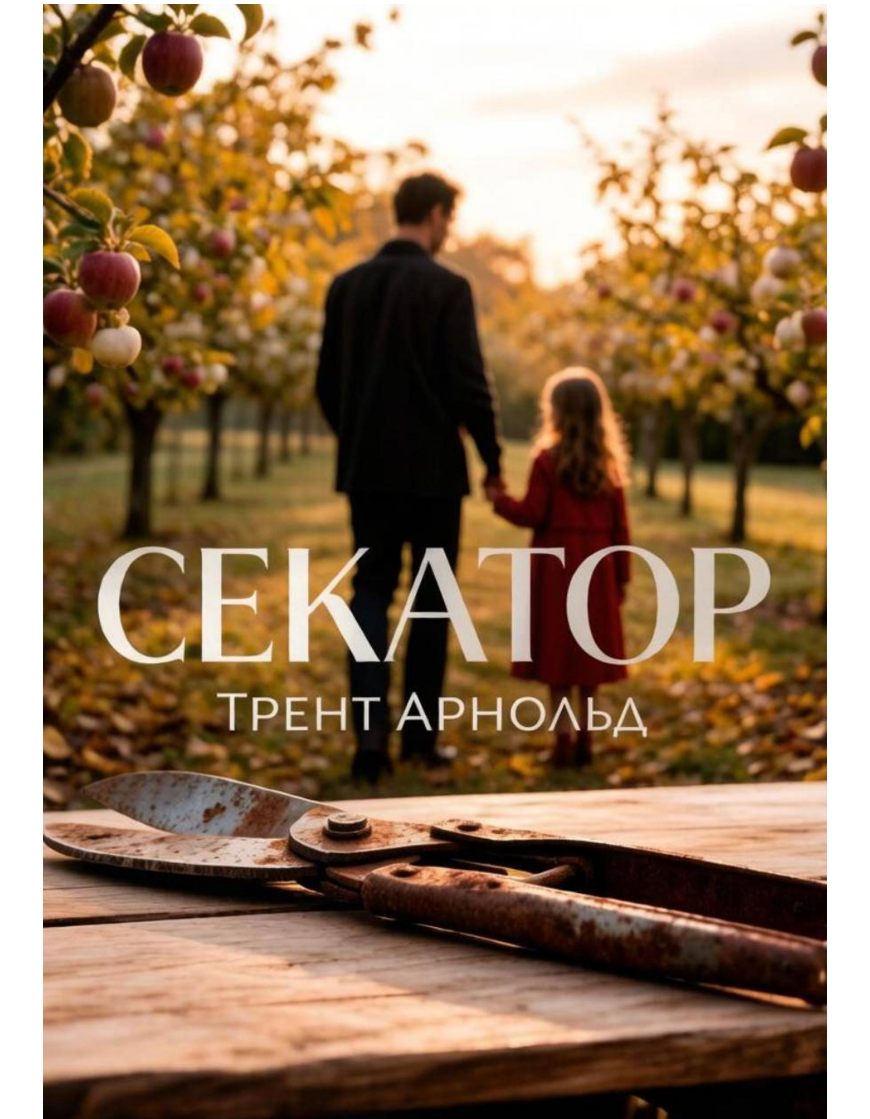

СЕКАТОР

ТРЕНТ АРНОЛЬД

Трент Арнольд

Секатор

<https://litres.ru/74638797>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Секатор»

Тридцатилетний писатель, привык объяснять свою жизнь на бумаге, но разучился жить в ней. Разрушив свой брак публичными исповедями, он остается один в съемной студии, где слова стали его единственным убежищем.

Случайная встреча с женщиной из прошлого, у которой есть шестилетняя дочь Аня, заставляет его впервые выйти из-за письменного стола в реальный мир. Чтобы остаться рядом с ними, ему предстоит научиться тому, чего он не умел никогда: не говорить, а слушать; не придумывать, а просто быть; не спасать словами, а молча держать за руку.

«Секатор» — это тихая и пронзительная история о мужском взрослении, о страхе привязанности и о том, что настоящую семью не находят в готовых сценариях. Ее строят каждый день заново — не чернилами, а руками, обрезая в себе лишнее, чтобы не пустить жизнь в кривизну. Когда биологический отец девочки пытается забрать ее через суд, писателю приходится доказывать свое право на присутствие не текстом, а поступками.

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Черновик	5
Глава вторая. Утро	8
Глава третья. Поворот	10
Глава четвёртая. Кто-то	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Секатор

Пролог

Первый снег выпал вчера. Рано, не по календарю — как будто небо тоже перепутало время.

Он стоял у окна и долго смотрел. Потом взял телефон, нашёл её имя и написал: «Привет». Отправил — и сразу пожалел.

Она ответила через день: «Привет. Я тебя помню».

Он не спал всю ночь. Не потому, что ждал. Потому что боялся: что она ответит, что не ответит, что всё повторится, что не повторится.

Утром он вышел на улицу. Снег лежал ровно, как простыня. Как жизнь, которую он не прожил. Как время, которое не вернуть. Как всё, чего он хотел — и боялся.

Пальцы зудели — тупо, под кожей, как после долгого мороза. Слова копились внутри и просились наружу; без них он не знал, куда девать руки.

Дома он открыл файл и написал первую строку: «За окном — начало октября».

Это не начало. Это продолжение — того, что он бросил, не дописав.

Он не знает, что будет. Но знает: он будет. Здесь. Сейчас. С ней. С Аней. С собой. Навсегда. Попробуем.

Глава первая. Черновик

За окном — начало октября. Первый снег выпал вчера: рано, не по календарю, будто небо тоже перепутало время. Снег в октябре — не зима. Это напоминание, что зима будет. Всё будет. Просто не сейчас.

Часы показывали одиннадцать. Не утра — вечера. Я лежал на диване в студии, и свет торшера падал так, что потолок казался ниже, чем есть.

Студия — комната, где я живу один. Стол, за которым я написал десять книг. Гитара в углу. Окно, за которым идёт снег. И я, тридцати лет.

В октябре я женился — четыре года назад. И в октябре же развёлся — два года назад. Октябрь я чувствую кожей, как старую рану на погоду.

Не скажу «была жена». Слишком просто. Был человек, с которым я делил не метры, а время. А потом сам разломал это время на куски — словом. Я говорил о наших проблемах всем, кроме неё: друзьям, случайным людям, тем, кто не просил. Думал, что выговорюсь — и станет легче. Стало тяжелее.

Теперь её нет. Два года как нет.

Я лежал и спрашивал себя: почему именно сейчас?

Раньше я был занят — писал о ней. Песни, где я прятал её имя между строк, чтобы никто не догадался. Она догадалась.

Я думал, что пишу, чтобы отпустить. А писал, чтобы удержать. Пока писал — она была рядом, в каждой главе, в каждом припеве. Стоило поставить точку — и она исчезала. Поэтому я не ставил точку. Поэтому книг было десять. Десять книг — и ни одного вечера, который я прожил, а не записал.

Потом была другая — почти два года. Хорошая девушка, которая не заслужила, чтобы её сравнивали с призраком. Я не отпустил прошлое, а просто переложил его на дальнюю полку — туда, где хранят то, что нельзя выбросить, но тяжело носить. Я ей не сказал. Наверное, она чувствовала. Наверное, поэтому мы и закончили.

Сегодня я дописал одиннадцатую книгу. Начинал её, думая, что это ещё одна история о ней. А закончил — и понял: это о том, как я отпустил. Не её. Себя. Того, кто не умел молчать, не умел решать внутри, не умел быть семьёй.

Впервые мне нечего писать о ней. Не потому, что нечего сказать. Потому что всё сказано: десять книг, сотни песен, два года — одна длинная фраза, которую я наконец договорил до конца.

А вчера я весь день вычитывал чужую рукопись — «Саженьцы», сборник историй о семьях. Целую неделю я сидел над чужими судьбами, чужими ошибками, чужими примирениями. И всю неделю меня не оставляла одна мысль — тихая, как снег за окном.

Мне нужна семья. Не для того, чтобы было с кем поужинать и не сидеть вечером одному. Чтобы заботиться. Обре-

зять сажены — те, что во дворе, и те, что внутри человека. Воспитывать детей. Не «иметь» — воспитывать. Каждое утро, каждый вечер. Особенно когда не хочется.

Я правил чужие истории и думал: почему я так ясно вижу, как надо другим, и так плохо видел, как надо было мне? Чужая история — текст. Его можно исправить. Своя жизнь — не текст. Задним числом её не вычитаешь. Её можно только писать дальше.

Я не знаю, будет ли у меня семья. Но знаю: она начнётся не с кого-то. Она начнётся с меня. С того, кто умеет держать слово при себе и не разрушать им то, что рядом.

Одиннадцать часов. Снег за окном. Я один в студии, и впервые это одиночество не про то, чего нет. Оно про то, что будет.

Это не конец. Это первая страница.

Глава вторая. Утро

Утром снег ещё лежал, к обеду от него осталась вода на асфальте — тонкая, как зеркало, в котором город смотрит на себя и не узнаёт. Я вышел в семь. Не потому, что рано встал. Потому что не спал.

В киоске у метро я взял кофе. Продавщица, женщина лет пятидесяти с красными от холода руками, сказала: «Рано вы». «Первый снег», — ответил я. Она посмотрела на меня как на человека, который говорит очевидное, и отвернулась. Я не обиделся. Я и правда сказал очевидное.

У перехода я долго стоял. Люди шли на работу. Женщина вела за руку мальчика лет пяти, в куртке не по размеру; шапка сползла ему на глаза. Она поправила её, не глядя, привычно. Мальчик что-то говорил, она кивала. Я смотрел на них дольше, чем следовало. Не с завистью — с узнаванием. Я знаю, как это — держать за руку. Как поправлять шапку, не глядя. Я не знаю, как это — каждое утро.

К девяти я вернулся в студию и сел за «Сажены» — двадцать три страницы правок, которые надо было сдать к концу недели. Я читал и не видел ни строчки. Тогда я открыл новый файл, не дав ему названия, и написал: «За окном — начало октября».

Дальше пошло само. Я писал про вечер, про одиннадцать часов, про потолок, который ниже, чем есть. Про десять книг

и про то, как я держал её словом. Про женщину с мальчиком у перехода — она была настоящая, но я немного дописал её, потому что она была нужна.

К трём руки начали дрожать: я не ел со вчерашнего вечера. В магазине за углом купил хлеб, сыр, помидор. Парень на кассе, лет двадцати, с наушником в ухе, спросил: «Пакет нужен?» — «Нет». Он пожал плечами.

Я ел стоя у окна. Снег растаял, город снова стал серым. Во дворе под окном стояли три саженца, посаженные прошлой весной. Я о них забыл, а они выжили. Один был кривой, но живой. Его надо обрезать — весной. Иначе пойдёт в кривизну, и потом не исправишь.

Я не садовник. Не знаю, как обрезают. Но знаю: если не обрезать — будет криво.

К вечеру в новой рукописи было четыре страницы. Я перечитал их. Ни жены, ни песен, ни десяти книг. Только человек, который проснулся, вышел за кофе, стоял у перехода и смотрел на мальчика в сползшей шапке. И мужчина, который впервые написал не для того, чтобы удержать, а чтобы понять, что ему делать дальше.

Завтра я встану в семь — не потому, что не сплю. Потому что у меня есть дело: кривой саженец во дворе и четыре страницы, которые надо продолжить.

Глава третья. Поворот

Прошла неделя. Я вычитал «Саженьцы» — чужие истории, чужие семьи, чужие примирения — и сдал. Редактор написал: «Ты стал мягче». Я не понял, что это значит, и не спросил.

В четверг позвонила мать. Мы не разговаривали месяца три — не из-за ссоры, просто так. Я забывал, она не навязывалась. «Приезжай в субботу, — сказала она. — Отец хочет тебя видеть». Помолчала и добавила: «Он плохо выглядит». Я сказал: «Хорошо».

В субботу я поехал. Два часа на электричке. За окном снег то таял, то выпадал снова: осень не могла решиться. Как и я.

Дом был прежний. Забор, который отец так и не покрасил. Яблоня, которую он так и не обрезал. Отец сидел в кресле у окна — там, где сидел всегда, но кресло теперь казалось больше его. Он похудел. Руки лежали на коленях, как чужие.
— Садись, — сказал он.

Я сел. На кухне гремела мать. Мы молчали. Я смотрел на его руки и думал: я не знаю, как обрезают яблони. И он, похоже, не знает. И яблоня растёт кривой.

Он долго смотрел в окно, потом сказал, не поворачиваясь:

— Тридцать тебе.

— Тридцать.

— Я в тридцать тебя уже держал на руках. Второго.

Я не ответил. Он и не ждал.

Я снова посмотрел на его руки. Пальцы скрючились, как сухие ветки, суставы вздулись узлами. Эти руки когда-то держали меня — и теперь не могли удержать даже собственной дрожи. На подоконнике рядом с креслом лежал секатор. ржавый, с рукоятью, перемотанной изолентой. Отец ни разу на него не взглянул. Именно поэтому я заметил.

— Женился когда?

— В октябре. Двадцать второго.

— Развёлся?

— В октябре. Двадцать четвёртого.

Он посчитал.

— Два года. И всё?

— И всё.

Он отвернулся к окну.

— Время утекает, сын. Из-под ног. Пока молодой — не чувствуешь, думаешь, впереди много. А потом раз — оно уже сзади. И его больше, чем впереди.

Я хотел сказать, что не тороплюсь, что семья — не гонка. Но не сказал. Он говорил не со мной. Он говорил с собой тридцатилетним — тем, кто тоже думал, что успеет.

— И хуже всего, — сказал он тише, — что с годами тебя перестаёт волновать. Сначала больно, что один. Потом привыкаешь. Потом уже и не хочешь. Вот это страшно. Не одиночество. А что перестаёшь хотеть.

Я смотрел на его затылок — седой, редкий — и понял: он

не читает мораль. Он отчитывается. Передо мной. За себя.

— Не хочу, чтобы ты в моём кресле сидел и считал, чего не успел, — сказал он. Потом повернулся. Глаза были сухие, но красные. — Ты писал про меня?

— Нет.

Он кивнул.

— А надо было.

Мы ели. Мать говорила за всех. В какой-то момент отец взглянул на меня:

— Ты один?

— Один.

— Ну и дурак.

Не зло. Как факт. Как про яблоню, как про забор.

Я не обиделся. Он говорил про себя. Он тоже был один — всегда, даже когда мы сидели рядом. И я вырос таким же: умею говорить со всеми, кроме тех, кто рядом. Это не мой навык. Это наследство.

Уехал я вечером. Мать сунула мне банку варенья. Отец не встал. У двери сказал: «Приезжай». «Приеду», — ответил я. Оба знали, что это может быть неправдой.

В электричке я открыл дневник и написал: «Он сказал — дурак. Он прав». Дальше не шло. Я смотрел в окно и вдруг понял: всю жизнь я думал, что семья — это то, что я разрушил. А семья — это то, что я получил. От них. И то, что я с этим сделал.

Дома я достал старый блокнот — тот, с которого начались

десять книг. Я не открывал его пять лет. На первой странице было: «Я женюсь, и у нас будет всё иначе». Мой почерк, двадцать три года. Я не смеялся и не плакал. Я подумал: он не знал, что слово нельзя вернуть. Не знал, что станет мной.

Я открыл новый файл и написал: «Он сказал — дурак. Он прав». И понял, что это уже не про жену. Это про отца. Про меня. Про то, что будет дальше.

Глава четвёртая. Кто-то

Прошли три недели. Ноябрь. Снег лёг и больше не таял. Я писал про отца, про яблоню, про то, как не умею молчать. Шло тяжело: про живого человека писать труднее, чем про мёртвое прошлое. Прошлое молчит. Живой может ответить.

Однажды вечером я искал в интернете, как обрезать яблоню. Открыл старый форум садоводов — из тех, где ещё пишут «здравствуйте» и «спасибо за ответ». Пролистал страницу, и ниже, среди тем, которые я не открывал, увидел её имя.

Мы общались девять лет назад. Не встречались — просто общались, как общаются в двадцать один: легко, ни к чему не обязываясь. Потом пропали. Я женился, она вышла замуж. Жизнь развела нас, как разводит всех.

Минуты три я смотрел на это имя. Профиль был пустой, но в подписи стоял город — тот же. Я убрал телефон. Через час взял снова и написал: «Привет. Это я. Давно». Отправил — и сразу пожалел.

Она ответила на следующий день: «Привет. Я тебя помню».

Мы начали переписываться — раз в два-три дня, ни о чём: как дела, что нового, погода. Я не спрашивал про мужей, она не спрашивала про жену. Оба знали, что там что-то было, и не лезли.

Через неделю она написала: «У меня дочь. Шесть лет. Зовут Аня». Я ответил: «Хорошо». Не «здорово», не «класс» — просто «хорошо». Ребёнок — не факт биографии. Это человек.

«Я два раза была замужем, — написала она. — Оба раза не получилось. Больше не хочу спешить». — «Я тоже не хочу». Это была правда. Мы ничего друг другу не обещали.

Потом она позвонила. Я услышал голос и понял, что помню его. Девять лет, а голос тот же. Мы говорили час — о том, как изменились и что осталось прежним.

— Ты стал другим, — сказала она.

— Все становятся.

— Нет. Ты стал тише.

Она была права.

В конце она сказала:

— Если мы будем общаться, ты должен знать: дочь для меня всегда первая. Не потому, что ты плохой. Просто так.

— Я понимаю.

И это было первое, что мне в ней по-настоящему понравилось. Не голос, не прошлое — то, что она сразу поставила границу. Не прятала ребёнка и не делала вид, что его нет. Сказала как есть. Как про яблоню.

Я сидел в студии, шёл одиннадцатый час, за окном падал снег. Мне не хотелось писать о той, первой. Хотелось записать сегодняшний разговор — о женщине, у которой дочь, и о том, что я не испугался. Раньше бы испугался: чужой ребё-

нок, чужая жизнь, зачем. А теперь подумал: шесть лет, школа, шапку поправляют. Может, когда-нибудь я увижу, как это делают.

Я ни на что не надеюсь. Но впервые написал о живой женщине без страха, что разрушу её словом, — потому что не сказал ничего лишнего. Просто слушал. Может, с этого и начинают. Не с любви, не с семьи — с умения не навредить.

Через два дня пришло сообщение: «В субботу я свободна. Аня у бабушки. Кофе?» Я ответил: «Да».

Кафе на набережной было маленькое: четыре столика и окно во всю стену. Она пришла раньше. Сидела спиной к двери, и я узнал её по плечам раньше, чем по лицу. Плечи — те же, что девять лет назад, а лицо другое. Не старше. Точнее. Как будто она перестала быть черновиком себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.